

Поэт и актриса

Роман поколения

Рассказывают, что Сталин, прочитав книгу стихов Симонова, где многие посвящены Серовой, сказал автору, что это должно было быть издано в двух экземплярах — для него и для нее. Целомудрие вождя было сломлено стихотворением, которое начиналось словами: «Пусть нас простиет за откровенность в словах о женщинах своих...» Эта короткая легенда говорит о том времени, об отношении того времени к любви, о любви в то время исчерпывающее — жестокое ханжество и надор.

Но читая письма Константина Симонова к Валентине Серовой и понимая, что это должно было быть издано в двух экземплярах — для него и для нее. Целомудрие вождя было сломлено стихотворением, которое начиналось словами: «Пусть нас простиет за откровенность в словах о женщинах своих...» Эта короткая легенда говорит о том времени, об отношении того времени к любви, о любви в то время исчерпывающее — жестокое ханжество и надор.

Долгое время казалось, что в прошлом остались партийные съезды и военные парады. Потом казалось, что там осталась дешёвая и социальные гарантии. Сегодня осенят, что там же, в том ушедшем времени, остались бешеной силы страсти, престельные женщины и полные мужчины.

Письма Константина Симонова к жене и дочери публикуются впервые. Авторская пунктуация сохранена. Фотографии представлены издательством «Слово/Слово», которое готовит избранное Константина Симонова в серии «Самые мои стихи», и также публикуются впервые. Впрочем, в таком уж ушедшем ли? 28 ноября Константину Симонову исполнилось бы 80 лет — он был самым молодым нашим классиком.

Письма к жене

«Васенька! родная моя! Только сейчас вернулся с линии фронта. Последние два дня сидел в Тарнополе, было интересно, близко от немцев в самом городе — но безопасно, ибо у них уже нет снарядов, только пулеметы. Бой там идет жестокий, за каждый дом как в Сталинграде, сопротивляются свиреп до конца...»

Я сидел на крыше и видел штурм во всех подробностях, а из дома взял тебе на память расписание и вот посылаю тебе в письме — молится богу за своего непутевого мужа.

Родная моя и нежно любимая, знай что очень без тебя скучаю а что в письме пишу не о том а о Тарнополе — так что тебе, хвостик, было интересно.

Люди идут и идут вперед и кажется нет пределов сил человеческих! Война еще бо́льшая длинная и интересная — надо нам еще много работать и самоотверженно писать — иначе уподобимся тем из нашей братии кого сами же презирали в первый год войны.

Милый мой и ненаглядный — ты же у меня умница моя родная — пойми и не сердись на меня за то что я полон и увлечен своим делом сейчас.

Если б это было не так — то из меня не вышло бы настоящего человека — а с ненастоящим такой чудной девке как ты нечего и звать — иначе уподобимся тем из нашей братии кого сами же презирали в первый год войны.

Если какие осложнения с ролью в картине — прямо от моего имени к Г.Ф. Александрову.

Валентина Серова. Пробы к фильму «Сердца четырех», 1940 г. Эта фотография была с Симоновым всю войну. Это о ней написано: «...Готовясь умереть в бою Я все-таки с собой в кармане Нес фотография твою...»

Маша с отцом. 1952 г.

Целую еще раз тебя. Васенька мой и лапы твои милые

К. 1944.IV.10.

«Васенька! Милый мой. <...>

А у меня впервые в жизни какое-то глупое чувство — я сижу вот в номере — и не понимаю — почему, собственно, я сижу в этой голый чулок комнате и один — а не дома — и с тобой.

Несмотря на любовь и страсть, на все, я все-таки лишен должно быть лишен был все эти годы чувств своего дома — и как новорожденный младенец оно сейчас просто вопит во мне. <...> Я бы повесился от тоски, если бы не заранее принятое решение писать стихи. И так я встаю как всегда в 8 уже сижу за работой. Сейчас я параллельно пишу «День неудачного боя» — это из дневника, откуда и «Метель», но будет вальс, наверное, длиннее — и кроме того пишу большое стихотворение — помнишь о том письме, которое нам показали на Брянском фронте от жены убитого. Его я сегодня кончу и если мой нос мне не изменит оно прозвучит в другом смысле, но так же как «Убий его». Когда кончу его буду продолжать одновременно писать и поэму и мелкие стихи. <...>

Васенька как ты живешь? Васенька ты мне дальше не смей хулить. Васенька смотри у меня не пьаный с этим будущим фронтовиком — Софкой. Васенька как ты спишь — я сплю плохо чего и тебе желаю. Васенька я тебя люблю. <...>

P.S. Кажется, у меня прозревает семейная привычка в системе писания писем. Если будет туго с деньгами — пойдю к Гр. Бор Хесину — покажи ему эту приписку и попроси выписать несколько тысяч тебе. Васенька милый еще раз целую твои милые нежные лапы много раз и очень люблю тебя, больше, чем когда бы то ни было. Твой муж и покорный слуга К.»

без даты

«Любимая моя! Трудно написать то что хочется тебе сказать. <...> Пишу тебе стихи, наконец третьего дня почувствовал как что-то словно прорвалось и они начали получаться как-то легко и неожиданно — не писать, а выходящий лист своего истерзанного зеленого блокнота — там написано «С тобой и без тебя. Книга вторая». Сейчас в нем осталось всего несколько чистых листов — книга выходит, и по-моему выйдет скоро и будет непохожа на прежнюю, чем-то лучше, больше и старше. Я написал после твоего отъезда четыре стихотворения и начал пятое — но посылаю тебе с этим письмом всего одно. Я не хочу лишать себя счастья видеть твои задумчивые, счастливые и чуть удивленные глаза, когда я приеду и буду и их и другие читать сидя против тебя. Я постараюсь написать их больше, чтобы продлить эту минуту счастья. Я не могу не писать тебе стихов.

Моя бабушка — мать отца — княжна Александра Леонидовна Оболенская-Шаховская, училась в Петербурге в Смольном институте благородных девиц. Своим аристократическим прошлым она пыталась скрыть, чтобы не «бросать тень» на Киришу, своего единственного и горячо любимого сына, который родился в смутное пред-революционное время, а рос и мужал уже при советской власти.

«Тень», если так можно выразиться, все-таки падала время от времени, и знаменитый симоновский аристократизм проступал и в его манере держаться, и в его манере жить. Начавшись с того, что Кирилл Симонов долго не принимал в пионер, потом в комсомол, и с приемом в партию — затянуло.

Аленка — так бабушка требовала называть себя всех нас — своих чад и домашних — была нежной, женственной. Она писала

То что я посылаю — больше чем стихи для меня. Сейчас — это вера в наше счастье, в то что его ничто не пресечет. Я писал эти стихи легкие и спокойные по форме грубо и чувственно я видел тебя, хотел тебя вспоминать твои ночные лепеты и поэтому должно быть, как мне кажется, осколком моей страсти засел в этот стихотворение.

Я кажется расхвастался, но это неважно, я тебя люблю и мне хочется вновь по мальчишески и по мужски — быть твоей горюстью. Все-таки ничего лучше не написано о мужчине, который любит чем «Желая славы я».

Да, хочу чтобы твой слух был поражен всечасно, и для этого готов на все.

Работать как вол — стихи, дневники, беседы, и даже скажу тебе по секрету — маленькая повесть, которую начал писать урывками между поездов.

Я хочу жить иначе чем мы жили я хочу вот так же и впредь работать в отъезде как сейчас и быть свободным вдвоем с тобой — я хочу многих минут и часов счастья, бывших у нас с тобой здесь — перенести в Москву, я хочу проспать вместе обнимая тебя и никуда не гонясь и не торопясь.

Мы так можем много доставить счастья друг другу когда мы прижаты друг к другу, когда мы вместе, когда ты моя, что ко мне не деть это без конца и без счета. Ох как я отчаянно стосковался по тебе и с какой тоской и радостью я вспоминаю твоё тело. Я тебя люблю Валька, и мне сегодня ничего не хочется писать тебе больше. Сейчас еще рано — чуть рассветло, уезжаю на два дня на передовые <...> — а сейчас как будто держу тебя в руках и яростно ласкаю тебя до боли до счастья до конца и не желаю говорить ни о чем другом — понимаешь

Как Симонов стал Константином

тайком стихи, летом непременно носила красивую шляпку и, сколько я ее помню, всегда была со вкусом одета, подтянута и называла всех ласковыми именами — Машутка, Алексейка, Санюля, Валуша...

Один эпизод, касающийся Аленки, рассказал мне сам отец. После войны правительственная комиссия, в состав которой, помимо прочих, входили некоторые деятели культуры, должна была дать заключение о состоянии архитектурных памятников Ленинграда, в том числе и Смольного, так сказать, «колыбели революции». Отец как член этой комиссии рисковал взять с собой в Ленинград Аленку. И вот по гулким коридорам, изувеченным войной, комиссарским шагом идут высо-

ты меня моя желанная, моя нужная до скрежета зубного, я даже ношу в кармане твоё письмо и помню его и боюсь переставать — оно волнуется и бесит тем что я бесценен вот сейчас так же грубо и торопливо как это бывает когда приезжаю издалека схватить тебя в свои руки и задохнуться от счастья и желаний сделать с тобой все что захочу. <...>

К. 1945.III.20.

«Васенька! Ненаглядная моя. Только что кончилась война. <...> Голова идет кругом. В комнате десять человек, все что-то кричат, на улице стреляют и пускают ракеты. Ненаглядная моя наконец все это кончилось — как-то и странно и счастливо и непонятно, необычайная усталость. Мне сегодня и вчера не повезло — должно быть, чем-то отравился — всего второй день ломаю и выворачиваю — и даже не могу выпить ни глотка за оканчивание войны — ну выпейшь ты за нас обоих. <...>

Еще ничего непонятно, что произойдет в ближайшие дни, сколько здесь надо будет пробыть, и когда можно возвращаться. <...> Я хочу застать еще в Москве сирень — увидеть, увидеть тебя скорей желанье мое. <...> Васенька милую твою нежные руки, твоё желанное тело и, что тебе еще сказать — ты сама говори за меня остальное. <...>

Твой К.

1945. 7 мая. Берлин.»

«Милая моя, дорогая, ненаглядная, любимая. Час назад прочел твои дорогие нежные письма — все сразу — и у меня то же чувство смятения стыда и горечи за все ссоры, за все грубые слова, за все издержки той нескладной но сильной и большой любви, которую я люблю тебя. Те радостные вещи, которые я узнал с премией и кандидатством

Маша с мамой. 1950 г.

Письма к дочери

«Здравствуй, Машка, здравствуй, дочка!

Получил твои листочки — получил тире и точки и косые буковки,

похожие на луковки, и твои линейки,

прямые, как скамеечки, и твои цветочки,

красивые как дочка! Ах ты мой с пеленок грамотный ребенок!

Целую твой носик и каждый волосик. Почитай сколько их у тебя всего и напиши мне. Поцелуй мамочку.

Пана.

Кисловодск. 1955 г.»

«Милая Машутка!

Спасибо маленькая вам с мамой за твои фотографии. Они пришли как раз вовремя — через несколько часов будет как раз пять месяцев что ты родилась и в первый раз закричала: «не хочу кушать».

Ты мать моя здорово соблазнительная на фотографиях — даже страшно что ты там без отцовского руководства, а я тут без возможности целовать разные там ямочки и перевязочки. Когда вынешь из ящика эту открытку немедленно побегу поцелуй маму, а вслед за ней брата и бабушек.

И пожалуйста завтра в день рождения не забывай птичку за галстук ничего, кроме молока!

Пана,

октябрь 1950 г.»

Париж. Аэропорт Орли. Встреча. 1946 г.

твоего объятия, с первого поцелуя, с первой минуты вместе. <...>

Ты спрашиваешь, почему нет стихов в письме. Нет и не будет. Будет только вместе со мной, потому что я ничего не хочу укрывать у нашей первой ночи, ничего, в том числе ни одной минуты из счастливых минут чтения того что ты еще не знаешь. /Так долго пишется — так коротко читается/

10-го

А сегодня день твоего рождения и в девять часов мы все тут четверо в доме и Муза соберется чтоб выпить за тебя.

Если ничего не напутали в Москве ты получишь от меня сегодня цветы и записку. Дай бог. <...>

Если хочешь себе меня представить точно как я есть сейчас — открой альбом и найди хату в медуна-бате — где я лежу и ко мне пришел Утенко. Так же не брит, так же без-рукавке и ты еще дальше от меня чем тогда. Может быть и не надо все это писать в письме — но вот так пошло, девочка моя, что хочется до смерти чтоб ты пожелала.

Знаешь, мне иногда казалось, что тебе в твоём чувстве ко мне не хватает возможности помочь, пожелать, поддержать. Я в этом смысле всегда ершился, и в начале нашем принятой тобой слишком за маль-

чика раз навсегда поднял плечи, закинул голову и, присвистывая, старался быть слишком мужчиной — больше чем это нужно и больше чем это правда по отношению ко мне. И в этом часто у меня было отсутствие искренности и открытости души для тебя до конца, что порой обижало тебя и сильно, я знал это.

Сейчас что-то повернулось в моей душе, повернулась какая-то дверь на неслышимых ни для кого петлях. <...>

Сейчас напишу тебе вещь над которой если хочешь, улыбнись, это мелочь, но сейчас вдруг ужасно важная для меня — я с какой-то небылой нежностью покупаю от времени до времени милые безделушки для нашего дома — я не знаю где он будет, надеюсь вместе с тобой что не там где сейчас — но он мне отсюда представляется впервые каким-то небываемым и прочным (на целую Библию) Ковчегом Счастья. <...> К чему написал это — наверное просто чтоб улыбнулась своей вдруг застенчивой тихой улыбкой — бывает иногда у тебя такая, именно такая и я ее люблю больше всех других, эта улыбка — ты, какой тебя иногда знаю один я и больше никогда и никто.

Родная, нет сил больше писать — устал от муки видеть тебя и не видеть говорить с тобой и не говорить — сейчас лягу и попробую заснуть, но я не прошаную — последние строчки завтра перед самым отъездом на пароход — утром, а пока — господа, как я тебя люблю и как мне сейчас не хватает твоего желанного милого тела рядом со мной, и пусть было бы плохо, как бывает всегда когда слишком хорошо.

11-го утра последние две минуты. Родная девочка целую тебе всю от кончиков пальцев до кончиков волос хочу тебя люблю стосковался по тебе до безумия. Все.

Кляну меня.

Твой К.

11. Февраль 1946. Токио.»

«Родной мой Васенька!

Ждал до нынешнего утра твоего звонка, не дождался, решил связаться с людскими средствами связи. Надеюсь, что просто не зво-

нишь потому что на даче или не дозвонился, что с Манькой девочкой все в порядке. Она мне со стены улыбается, а со стены показывает палец — и престо! дескать, пиши, брат!

Пишется ничего, хотя начинаю видеть, что в сроки не укладываюсь. Написал всего главу. <...>

Холерная это все-таки работа — этот роман, в особенности когда речь идет не о просто чувствах, а о разных военных обстоятельствах. Тысяча соображений и все разные, и со всем надо считаться.

Вдруг сегодня обнаружил — что ряд глав у меня расходится с официальными тогдашними сообщениями ТАССа. Я-то знаю что у меня написано все как было — но и ТАСС есть ТАСС. Ну ничего, как-нибудь утрясу. <...>

Что тебе сказать еще о нашей провинциальной жизни? Перенесли курятник в район сортира, посадили множество лимонов, которые по моему глубокому убеждению будут плодоносить только при внуках Машки, высадили агавы в ящики, и плотники грозятся вот-вот принести комфортабельные декантеские скамейки. <...>

Целую нашу дочку. Привет и кол-ти того заслужил — поцелуй Анатолию. Обними всех близких. Целую твои лапы. К. 21.V.1952 г.»

Главный редактор номера
Егор ЯКОВЛЕВ

Автор дизайн-макета
Аркадий ТРОЯНКЕР

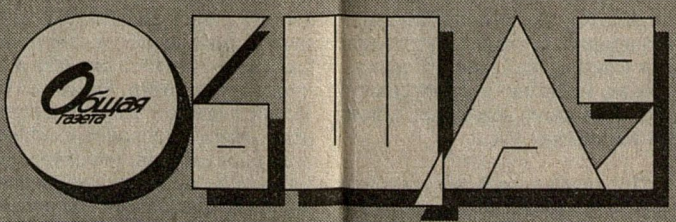
Технический редактор
Дмитрий ТУМАНОВ

Ответственный секретарь
Юрий ПАТРИН

Художественный редактор
Владимир БАБИЧ

Зав. корректуры
Светлана КАРТАШЕВА

Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Регистрационный номер 1054.
© Общая газета. Перепечатка допускается по согласию с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.
Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Барщевский и партнеры».

Г А З Е Т А

Адрес редакции: 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22
Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71
Адрес для писем: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1

Наш подписной индекс: 32138

Отдел распространения
Людмила ЛИР
Тел.: 915-53-89

Отдел рекламы
Галина ИЛЬЧЕНКО
Тел.: 915-70-40, 915-26-19.
Факс: 915-26-06

Производственно-издательский отдел
Ирина СОВКОВА
Тел.: 915-75-81

Цена свободная

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты». Технический директор Дмитрий ЯМПОЛЬСКИЙ.
Вёрстка выполнена на оборудовании Apple Computer.
Отпечатано в типографии издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 29.11.95 г. Заказ 15552. Тираж 10000 экз.